

Фантастический рассказ

Полиция задержала дядюшку Джорджа, когда в три часа утра он шел по Элм-стрит. Он брел посреди улицы, пошатываясь и что-то бормоча себе под нос. А главное — с него текло так, словно он только что побывал под страшным ливнем, хотя у нас в округе вот уже три месяца не было даже намека на дождь и пожелтевшая кукуруза в полях годилась разве что в печку. Под мышкой дядюшка Джордж держал большую картину, а в другой ру-

ке — ведро, до краев полное алмазов. Он шествовал в одних носках. Когда дежурный полицейский Элвин Сондерс остановил старика и спросил, что с ним происходит, дядюшка Джордж в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Он, видимо, был здорово на взводе.

Именно поэтому Элвин доставил его в полицейский участок, и только там кто-то обратил внимание на его оттопыривающиеся карманы. Естественно, полицейские вывернули их и разложили содержимое на столе. Когда же они повнимательнее осмотрели все это добро, сержант Стив О'Доннелл немедленно позвонил шерифу Чету Бэрнсайдю за указаниями, что делать дальше. Шериф, отнюдь не в восторге, что его подняли посреди ночи, приказал до утра запереть дядюшку Джорджа в камере, что и было исполнено. Конечно, трудно в чем-либо винить шерифа. Из года в год старик доставлял достаточно неприятностей и хлопот полиции Уиллоу-Гроув.

Но стоило дядюшке Джорджу попасть в камеру, немного очухаться и разобраться, что к чему, как он тут же схватил стул и принялся дубасить в решетчатую дверь, крича, что эти подонки опять все подстроили, наплевав на его законные конституционные права свободного и добропорядочного гражданина.

— Вы обязаны дать мне позвопить! — что есть мочи вопил дядюшка Джордж. — Вы еще пожалеете, когда я выйду на свободу и подам на всех вас в суд за неправильный арест.

Он настолько всем надоел своим криком, что они открыли камеру и разрешили подойти к телефону.

Конечно же, как и всегда, этот звонок был ко мне.

— Кто это еще там? — Элси проснулась и теперь сидела в кровати.

— Твой дядюшка Джордж, — сказал я.

— Я так и знала! — воскликнула жена. — Тетушка Мйрта уехала в Калифорнию навестить родственников. Вот он на свободе-то и вытворит.

— Ладно, что там приключилось на этот раз? — спросил я дядюшку.

— Почему ты говоришь со мной таким тоном, Джон? — обиженно ответил тот. — Я тебе звоню всего раз или два в году. Какой смысл иметь в семье адвоката, если...

— Может быть, ты все-таки перейдешь к делу, — прервал я. — Что случилось?

— На этот раз они у меня попляшут. С правами они попались, как миленькие. Будь спокоен, на этот раз тебе будет уплачено сполна. Все, что с них присудят, разделим пополам. Я пичего не сделал. Я просто шел по улице, когда появился этот подонок и потащил меня в каталажку. Я не шатался и не пел. Я не нарушал порядок. Послушай, Джон, разве человек не имеет права ходить по улицам, хотя бы и в полночь...

— Я сейчас приеду, — вновь перебил я его.

— Долго там не торчи, — заметила Элси. — У тебя завтра в суде трудный день.

— Ты что, смеешься? — Я не сдержался. — Раз появился дядюшка Джордж, считай, что день потерян.

Когда я подъехал к полицейскому участку, они уже все меня ждали. Дядюшка Джордж сидел за столом, на котором стояло ведро с алмазами и лежало отобранное у него добро. К ножке стола была прислонена картина. Шериф тоже уже был в участке.

— О'кэй, — сказал я, — перейдем к делу. В чем вы его обвиняете?

— Пока это нам не требуется. — Шериф был здорово обложен.

— Вот что, Чет, — сказал я, — не пройдет и нескольких часов, как тебе потребуется официальное обвинение, да еще как. Так что тебе есть смысл начать думать над этим уже сейчас.

— Я предпочитаю подождать и посмотреть, что скажет Чарли.

Он имел в виду прокурора Чарли Невинза.

— Ладно, раз нет обвинения, то каковы хотя бы обстоятельства ареста?

— Этот Джордж тащил ведро алмазов. А теперь ты мне ответь, где он его добыл?

— Возможно, это вовсе не алмазы, — предположил я.

— Утром, когда Гарри откроет свою лавочку, мы пригласим его посмотреть.

Гарри Джонсон был ювелиром, который держал магазинчик на другой стороне площади.

Я подошел к столу и взял несколько камней. Хотя я и не ювелир, мне они показались настоящими алмазами. Они были отшлифованы, и их грани так и горели, когда на них падал свет. Некоторые были с кулак величиной.

— Даже если это алмазы, при чем здесь арест? Я что-то не слышал о законе, который бы запрещал человеку носить алмазы в ведре.

— Вот, вот, выложи-ка им, Джон! — обрадовался дядюшка Джордж.

— Помолчи, — сказал я ему, — и вообще не суйся не в свое дело, раз я им занялся.

— Но ведь у Джорджа отродясь не водилось никаких алмазов, — не сдавался шериф. — Должно быть, они краденые.

— Вы обвиняете его в краже? — спросил я.

— Ну не то чтобы вот так сразу, — шериф держался не слишком уверенно. — У меня пока нет доказательств.

— А потом еще эта картина, — вставил Элвин Сондерс. — Сдается мне, весьма ценная. Похоже, кого-то из старых мастеров.

— Меня удивляет одна вещь, — заявил им я. — Не скажете ли, где у нас в Уиллоу-Гроув можно было бы украсть картину старого мастера или ведро алмазов?

Тут они, конечно, притихли. В нашем Уиллоу-Гроув единственно у кого можно найти порядочную картину, так это у банкира Амоса Стивинза, который привез одну, когда ездил в Чикаго. Хотя с его познаниями в искусстве, вероятно, что ему всучили подделку.

— И все-таки ты согласишься, что тут что-то не то, — вздохнул шериф.

— Возможно, — заметил я, — но я сомневаюсь, что этого достаточно, чтобы держать человека в тюрьме.

— Дело даже не столько в картине или алмазах, — шериф был явно озабочен, — сколько в остальном добре. Из-за него-то мне и кажется, что дело нечисто. Взгляни-ка сам.

Он взял со стола какую-то штуковину и протянул ее мне.

— Осторожнее, — предупредил он, — один конец у нее очень горячий.

Вещица была около фута длиной и по форме напоминала песочные часы из прозрачного пластика. Узенькая в центре, она расширялась к полым концам. В середину был вставлен небольшой, по-видимому, металлический прут. Один его конец мерцал, как раскаленное железо, и когда я поднес ладонь к открытой полости, то почувствовал дуновение горячего воздуха. Другой конец был белым, и его покрывали какие-то кристаллы. Я осторожно повернул непонятное приспособление, чтобы осмотреть его.

— Смотри не вздумай дотронуться, — предупредил шериф. — Палец примерзнет. Видишь, на нем лед.

Я осторожно положил вещицу на стол.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил шериф.

— Откуда мне знать. — Я действительно не имел ни малейшего представления.

В школе физика никогда не была в числе моих любимых предметов, к тому же я давно забыл даже то немного, что когда-то учил. И все же я готов был дать голову на отсечение, что лежавшая на столе штуковина не могла существовать в природе. Но тем не менее она была перед нами: один конец раскален черт знает до какой температуры, другой — холоднее льда.

— А как тебе нравится вот это? — поинтересовался шериф, взяв небольшой треугольник из тонких прутиков металла. — Это, по-твоему, что такое?

— Что это такое? — переспросил я. — Ну просто...

— Просто? Попробуй просунуть в него палец. — В голосе шерифа послышалось настоящее торжество.

Я попытался выполнить его указание, но из этого ничего не вышло. Внутри треугольника была пустота. Во всяком случае, мой палец ни на что не наткнулся, и все же я не мог продвинуть его ни на миллиметр через центр треугольника, словно он был заполнен невидимым и неосязаемым, но твердым, как сталь, веществом.

— Разрешь-ка я посмотрю, в чем там дело, — попросил и шерифа.

Тот охотно передал мне загадочный треугольник. Я поднял его так, чтобы свет от лампочки проходил через самый центр.

Ничего. Я поворачивал его и так и этак, но не заметил даже намека на какую-нибудь планку или прозрачную пластинку. Но каждый раз, когда я пытался просунуть через него палец, что-то его не пускало.

Я положил треугольник на стол рядом с первой штуковой, похожей на песочные часы.

Рисунки В. ВАКИДИНА

— Хватит или еще показать? — ехидно осведомился шериф.

Я отрицательно мотнул головой:

— Согласен, Чет, я ни черта во всем этом не понимаю, и тем не менее это еще не основание держать Джорджа под замком.

— Все равно он останется здесь, пока я не поговорю с Чарли, — заупрямился шериф.

— Надеюсь, ты понимаешь, что как только откроется суд, я буду здесь с постановлением о его освобождении.

— Я знаю, Джон. — Спорить с шерифом было явно бесполезно. — Конечно, ты отличный адвокат, но я просто не могу отпустить Джорджа.

— В таком случае, — потребовал я, — оставьте заверенную опись всех вещей, которые вы отобрали у него, и я не уйду, пока не удостоверюсь, что они заперты в сейфе.

— Но...

— Теоретически все это собственность Джорджа.

— Этого не может быть, ты же сам знаешь, Джон, это немыслимо. Ну посуди сам, где он, черт побери, достал...

— До тех пор, пока вы не докажете, что он украл все эти вещи у какого-то конкретного лица, мне кажется, закон подтвердит, что они принадлежат ему. Человек вовсе не обязан предоставлять доказательств того, где он приобрел свою собственность.

— Ладно, ладно, — согласился шериф, — я составлю опись, вопрос только, как именовать все эти штуковины.

Но это была уже его забота.

— А сейчас я хочу обсудить с моим клиентом некоторые вопросы наедине.

Немного поспорив и поворчав, шериф открыл нам комнату для свиданий с арестованными.

— А теперь, Джордж, расскажи мне, что же все-таки произошло с тобой. Абсолютно все. И постарайся по порядку.

Джордж видел, что я не шучу, и давно уже убедился, что врать мне бесполезно: я все равно всегда на чем-нибудь ловил его в таких случаях.

— Ты, конечно, знаешь, что Мирта уехала, — начал он.

Я кивком подтвердил это.

— И ты знаешь, что, когда ее нет, я позволяю себе немного развлечься, пропустить рюмку-другую и в конце концов влипаю в историю. На этот раз я дал себе слово, что не возьму ни капли в рот и обойдусь без всяких там неприятностей. Мирте из-за меня и так уже изрядно досталось, и я решил в этот раз доказать, что вполне могу держаться в рамках приличия. Вот вчера вечером сию я в гостиной. В носках. Ботинки я снял. Включил телевизор, смотрю бейсбол. Знаешь, Джон, если бы «Близнецы» нашли себе стоппера получше, на будущий год у них могли бы быть шансы. Конечно, кроме стоппера, им нужна еще и отбивка поприличнее да пару-тройку левшей не мешало бы...

— Ладно, давай дальше, — прервал я.

— Да, так вот сию я тихо-мирно, смотрю игру. Ну пиво потихоньку потягиваю. Я тут притащил полдюжины, и у меня как раз пятая бутылка кончалась...

— А мне показалось, что ты сам себе обещал не пить.

— Конечно, Джон, чтоб мне провалиться. Так ведь это же было просто пиво. Я его могу целый день дуть и ничуть не...

— Хорошо, продолжай.

— Так вот, я и говорю, сию, значит, пью пиво. Шел седьмой период, «Япки» уже двоих провели, и вдруг Мэнгл как...

— Да черт с ней, с игрой! — не выдержал я. — Я хочу знать, что приключилось с тобой. Ведь влип-то ты, а не какой-то Мэнтл.

— А больше ничего и не было. Как раз в седьмом периоде Мэнтл вдарил с лету, а потом смотрю: иду я по улице, а из-за угла выныривает полицейская машина.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь, что произошло в промежутке? Что не знаешь, откуда у тебя оказалось ведро алмазов, картина и все те штуковины?

Джордж покачал головой:

— Я тебе рассказываю все, как было. Больше я ничего не помню. Я бы тебе не стал врать. Нет смысла, все равно ты на чем-нибудь подловишь.

Некоторое время я молча сидел, разглядывая дядюшку Джорджа. Расспрашивать его дальше все равно было без толку. Возможно, он рассказал правду, хотя скорее всего и не всю, но, чтобы вытащить из него остальное, у меня сейчас не было времени.

— О'кэй, — сказал я, — пусть пока будет так, как ты говоришь. А теперь возвращайся к себе в камеру, и чтобы я не слышал от тебя ни звука. Веди себя прилично. Часам к девяти я вернусь и выцарапаю тебя отсюда. До меня ни с кем не разговаривай. Не отвечай ни на какие вопросы. Ничего не объясняй и не рассказывай. Если будут приставать и настаивать, скажи, что я запретил тебе говорить.

— Мне оставят алмазы?

— Трудно ручаться, может быть, это вовсе и не алмазы.

— Но ты же потребовал составить опись.

— Ну и что из того? Я не могу гарантировать, что заставлю их вернуть отобранное.

— Слушай, Джон, еще одна вещь. У меня во рту пересохло, сил нет...

— Нет, и не надейся.

— Ну всего бутылочки три-четыре пивка, а? От них не будет никакого вреда. Так, глотку промочить. Человек не может опьянеть от трех или четырех бутылок пива. Я вовсе вчера не был пьян. Клянусь, у меня ни в одном глазу не было...

— Где я тебе посреди ночи пива достану?

— У тебя в холодильнике всегда несколько бутылок припрятано. А ехать каких-нибудь шесть кварталов.

— Хорошо, я поговорю с шерифом.

Тот не имел ничего против: так и быть, пусть дядюшка Джордж хлебнет пива, ничего страшного не случится.

* * *

Из-за купола здания суда выглядывал краешек луны. В свете раскачивавшейся на ветру лампы то возникал, то скрывался во тьме Неизвестный солдат, бдительно стоявший паянником в центре на площади. Я поднял голову вверх:

на небе не было даже намека на облака. О дожде не могло быть и речи. Через несколько часов наступит утро, взойдет солнце, опять будет сохнуть кукуруза, а фермеры будут с тревогой следить, как насосы, фыркая и кашляя от натуги, с трудом выплевывают в деревянные корыта тонкие струйки воды, которой все равно не хватит, чтобы как следует напоить скот.

На газопе перед зданием суда возились пять или шесть собак. Выпускать их на улицы было запрещено, но никто из жителей Уиллоу-Гроув не обращал внимания на этот запрет в надежде, что собаки успеют вернуться к завтраку домой раньше, чем Вирджил Томпсон, городской собачник, выйдет на промысел.

Я сел в машину, поехал к себе, взял из холодильника четыре бутылки пива и отвез их дядюшке Джорджу в полицию. После этого вернулся домой.

Было уже половина пятого. Я решил, что нет смысла опять ложиться, сварил кофе и начал жарить яичницу. Элси услышала, как я громыхаю на кухне посудой, и спустилась ко мне. Пришлось добавить пару яиц и на ее долю. Потом мы уселись за стол и стали обсуждать случившееся.

Дядюшка Джордж уже не раз попадал во всякие истории, впрочем, не очень серьезные, и мне всегда удавалось уладить дело. Он вовсе не был забулдыгой, напротив, в городе его любили за честность и незлобивость. Он держал свалку на окраине города и жил на ту мизерную плату, которую взимал с прибегавших к его услугам. Мусор он отправлял на заболоченный участок неподалеку, а всякую дребедень, которая еще на что-нибудь годилась, тщательно отбирал и затем продавал по дешевке. Конечно, это было не слишком прибыльное и процветающее предприятие, но, во всяком случае, дядюшка Джордж имел свое дело, а в таком маленьком городишке, как наш Уиллоу-Гроув, это кое-что значило.

Но вещицы, которые обнаружили у него на сей раз, были совершенно другого рода, и это-то меня беспокоило.

— Тебе не кажется, что нужно позвонить тетушке Мирте? — озабоченно спросила Элси.

— Не сейчас. Если даже она будет здесь, толку от этого чуть. Единственно, на что она способна, так это причитать и заламывать руки.

— Что ты собираешься предпринять?

— Прежде всего нужно найти судью Бенсона и получить от него постановление об освобождении дядюшки Джорджа. Конечно, если только Чарльз Невинз не придумает каких-нибудь оснований для продления ареста, хотя это и маловероятно. По крайней мере, сейчас.

Увы, утром мне так и не удалось получить постановление об освобождении. Я было собрался поехать в суд искать судью Бенсона, как моя секретарша Дороти Инглез, суровая старая дева, сообщила, что меня просит к телефону Чарли Невинз.

Я взял трубку, а прокурор, не дав мне даже поздороваться, начал кричать:

— Не пробуй отмалчиваться! Лучше говори сразу, как ты это устроил?

— Что устроил? — Я был в недоумении.

— Как помог Джорджу удрать из камеры.

— Но ведь он в полиции. Когда я уезжал, он сидел под замком, и я как раз собирался в суд...

— Ну так вот, его давно уже в камере нет! — надрывался Чарли. — Дверь заперта, а он исчез. Единственное, что от него осталось, это четыре пустые бутылки из-под пива, выстроенные в ряд на полу.

— Послушай, Чарли, ты меня знаешь достаточно хорошо, так вот я говорю тебе, что не имею абсолютно никакого отношения ко всей этой истории.

— Конечно, я тебя знаю достаточно хорошо. Нет такой грязной проделки...

От возмущения он даже подавился и закашлялся, впрочем, и поделом. Из всех крючкотворов-законников в нашем штате Чарли самый несносный.

— Если ты думаешь отдать приказ о задержании Джорджа как беглеца, то не забывай об отсутствии оснований для его первоначального ареста.

— Какие еще, к черту, основания! Достаточно того же ведра алмазов.

— Если они подлинные.

— Это самые настоящие алмазы, будь спокоен. Гарри Джонсон смотрел их сегодня утром и говорит, что нет ни малейшего сомнения. Вся загвоздка, по его словам, только в том, что на земле таких огромных алмазов нет. Да и по чистоте с ними ни один не сравнится.

Чарли на секунду умолк, а затем произнес хриплым шепотом:

— Послушай, Джон, скажи честно, что происходит? Я никому...

— Я сам не знаю, что тут творится.

— Но ты же беседовал с Джорджем, и он заявил шерифу, что ты приказал ему не отвечать ни на какие вопросы.

— Это обычная юридическая процедура, — сказал я. — Против этого ты ничего не можешь возразить. И еще одно. Я считаю тебя лично ответственным за то, чтобы алмазы ненароком не исчезли. Я заставил Чета составить и подписать опись, и поскольку не выдвинуто обвинения в...

— А как насчет бегства из участка?

— Сначала нужно еще доказать, что арест был произведен на законных основаниях.

Он грохнул трубкой, а я уселся в кресло и попытался привести факты в порядок. Однако все казалось слишком фантастичным, чтобы я мог толком разобраться.

— Дороти! — позвал я секретаршу.

Она просунула голову в дверь, всем своим надутым видом показывая несдобрение. Видимо, она уже слышала — как,

впрочем, и весь город, — о том, что произошло, и к тому же вообще была весьма невысокого мнения о дядюшке Джордже. Наши с ним отношения вызывали у нее недовольство, и она не упускала возможности подчеркнуть, что он стоил мне немало денег и времени без какой-либо надежды на компенсацию. Это, конечно, соответствовало истине, но нельзя же ожидать от владельца городской свалки, чтобы он платил адвокату баснословный гонорар, да и вообще Джордж приходился Эли дядюшкой.

— Свяжитесь с Кэлвином Россом из Института искусств в Минеаполисе, — попросил я Дороти, — он мой старый друг...

Банкир Амос Стивенз ворвался словно метеор. Он промелькнул мимо Дороти прежде, чем она успела вымолвить хоть слово.

— Джон, ты знаешь, что у тебя там?.. Впрочем, откуда...

— Нет, не знаю. Может быть, ты мне расскажешь?

— Это же Рембрандт!

— А, ты имеешь в виду ту картину?

— Как по-твоему, где Джордж раздобыл Рембрандта? Ведь его картины на дороге не валяются, их только в музеях и увидишь.

— Скоро мы все это выясним, — поспешил успокоить я банкира Стивенза, единственного эксперта по вопросам искусства в Уиллоу-Гроув. — Мне сейчас должны звонить, и...

В дверях опять показалась голова Дороти:

— Мистер Росс на проводе.

Я взял трубку и почувствовал некоторую неловкость. С Кэлом Россом я не виделся лет пятнадцать и даже не был уверен, что он меня помнит. Но все же я позвал себя и приступил к разговору, словно мы только вчера вместе ужинали. Впрочем, и он меня приветствовал в том же духе.

Затем я перешел к делу:

— Кэл, у нас здесь есть одна картина, и мне кажется, тебе не мешало бы взглянуть на нее. Кое-кто считает ее старинной. Возможно, даже она принадлежит кисти одного из старых мастеров. Конечно, это звучит настоящей фантазией, но...

— Где, ты говоришь, находится эта картина?

— Здесь в Уиллоу-Гроув.

— Ты сам ее видел?

— Да, но мне трудно...

— Скажи ему, что это Рембрандт, — свирепо шептал Стивенз.

— Кто ее владелец?

— Пока практически никто. Она находится в полицейском участке.

— Джон, признайся честно, не намереваешься ли ты, часом, втянуть меня в какую-нибудь историю? Может быть, я тебе понадобился как свидетель-эксперт?

— Об этом речь не идет, хотя косвенно и связано с одним

делом, которым я сейчас занимаюсь, и, возможно, мне удастся договориться, чтобы тебе заплатили за...

— Скажи ему, — не унимался Стивенз, — что это Рембрандт!

— Там, кажется, кто-то говорит о Рембрандте? — спросил Кэл.

— Да нет, никто точно этого не знает.

— Ну что ж, может быть, я сумею выбраться к вам. — Кэл явно заинтересовался. Или, пожалуй, точнее, был заинтригован.

— Я найму самолет, чтобы тебя доставили прямо в Уиллоу-Гроув, — пообещал я.

— Неужели дело настолько важно?

— Правду говоря, Кэл, я и сам толком не знаю. Мне хотелось бы услышать твое мнение.

— Ладно, договаривайся насчет самолета и позвони мне. Через час я могу быть в аэропорту.

— Спасибо, Кэл. Я тебя встречу.

Я заранее знал, что Элси будет на меня дуться, а Дороти придет в негодование. Какому-то адвокату в таком заштатном городишке, как наш, нанимать самолет было явным сумасбродством. Но если нам удастся выцарапать алмазы или хотя бы часть их, плата за самолет покажется такой мелочью, о которой и говорить не стоит. Правда, я не был абсолютно уверен, что Гарри Джонсон сможет отличить настоящий алмаз от поддельного, даже если увидит его. Конечно, он торговал алмазами в своем ювелирном магазине, но я подозреваю, что просто верил какому-нибудь оптовому поставщику на слово, что они действительно были алмазами.

— С кем это ты говорил? — спросил Стивенз.

Я рассказал ему, кто такой Кэлвин Росс.

— Тогда почему ты не сказал ему, что это Рембрандт? — набросился на меня банкир. — Неужели ты не веришь, что кого-кого, а уж Рембрандта я всегда смогу отличить?

Я чуть было не сказал ему, что именно это и имел в виду, но вовремя спохватился: не исключено, что в будущем мне еще не раз придется обращаться к нему за кредитом.

— Послушай, Амос, — схитрил я, — мне просто не хотелось бы раньше времени влиять на его заключение. Как только он прибудет сюда и посмотрит на картину, он, без сомнения, увидит, что это Рембрандт.

Моя уловка несколько утешила банкира Стивенза. Затем я вызвал Дороги и попросил договориться о самолете для Кэла. С каждым моим словом ее и без того безгубый рот все больше поджимался, а лицо приобретало не просто кислое, а прямо-таки уксусное выражение. Не будь при этом Амоса, она бы не преминула прочитать нотацию о том, как пагубно швыряться деньгами.

Глядя на нее, я мог понять, почему Дороти получала огромное наслаждение на слетах приверженцев очищения, которые

каждое лето, словно грибы после дождя, возникали в Уиллоу-Гроув и окрестных городках. Она не пропускала ни одного из них, неважно, какая микробощина или секта была организатором, стоически высиживала часами на жестких лавках в летнюю жару, неизменно бросала монетку на тарелку для сбора пожертвований и с огромным удовлетворением выслушивала всю эту болтовню о грешниках и адском пламени. Она постоянно уговаривала меня посетить такое собрание, причем у меня сложилось впечатление, что, по ее глубокому убеждению, это пошло бы мне на пользу, но пока я успешно противостоял всем ее атакам.

— Вы опоздаете в суд, — коротко напомнила Дороти, — ведь сегодня слушается дело, на которое вы затратили столькое времени.

Это нужно было понимать так, что мне не следовало бы зря тратить время на дядюшку Джорджа.

Пришлось отправиться в суд.

Во время перерыва в заседании я позвонил в полицию, но дядюшкой Джорджем там и не пахло. В три часа пришла Дороти сообщить, что Кэлвин Росс прибудет в пять. Я попросил ее позвонить Элси и предупредить, что к обеду у нас будет гость, который, возможно, останется и ночевать. Дороти промолчала, но по ее глазам я прочитал, что она считала меня зверем и будет только справедливо, если в один прекрасный день Элси соберется и уйдет от меня.

В пять часов я встретил Кэла на аэродроме. Он здорово постарел и выглядел еще более важным, чем я его помнил. Но, как и раньше, он был вежлив и так же поглощен своим искусством. Больше того, я сразу же увидел, что он не на шутку взволнован. Возможность открытия какого-нибудь давно утерянного полотна, представлявшего хоть какую-то ценность, насколько я понимаю, хрупкая мечта каждого искусствоведа.

Я оставил машину на площади, и мы отправились с Кэлом в полицию, где я познакомил его с нашими блюстителями порядка. Чет сказал, что о Джордже по-прежнему нет ни слуху ни духу. После недолгих препирательств он достал картину и положил ее на стол прямо под лампой.

Кэл подошел взглянуть на нее и вдруг замер, словно сеттер в стойке, заметивший перепелку. Он стоял и смотрел, не произнося ни слова, а мы, столпившись вокруг, старались не слишком сопеть от нетерпения.

Наконец Кэл достал из кармана складную лупу, наклонился над полотном и принялся изучать его дюйм за дюймом. Прошло еще немало томительных минут, прежде чем он выпрямился и обратился ко мне:

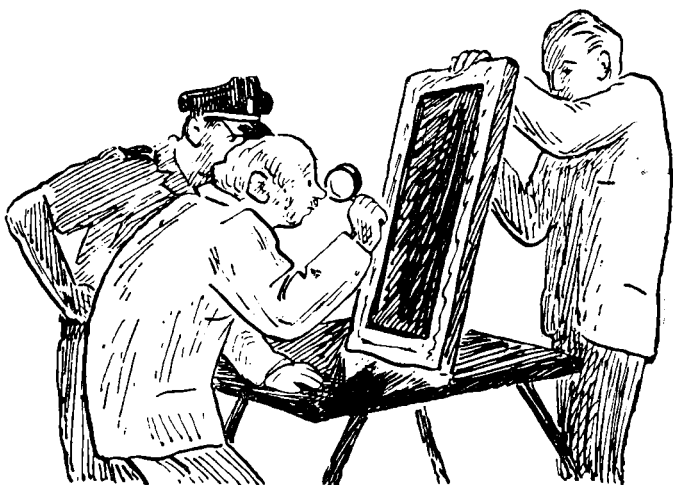
— Джон, подержи, пожалуйста, полотно вертикально...

Я поднял картину, а Кэл отошел на несколько шагов и вновь принялся рассматривать. Затем он отклонился немного в сторону, потом в другую, все так же не спуская с картины глаз, вновь приблизился к столу и взялся за лупу. После всех этих длительных и малопонятных манипуляций Кэл

утвердительно кивнул, видимо отвечая собственным мыслям, и обратился к Чету:

— Весьма вам признателен. Будь я на вашем месте, я бы собрал для охраны этой картины все ваши наличные силы.

Чет просто умирал от нетерпения, так ему хотелось знать мнение Кэла, но я предусмотрительно решил не давать ему возможности задавать вопросы, хотя и не сомневался, что Кэл

не станет особо распространяться. Поэтому я поспешил увести его на улицу и толкнуть в машину, где мы некоторое время сидели, молча уставившись друг на друга.

— Если только мне не изменяет зрение и я вдруг не позабыл все, что знал о живописи, это картина Тулуза-Лотрека «Кадриль в Мулен-Руж».

Значит, это все-таки был не Рембрандт! Хорош же знаток Амос Стивенз!

— Готов дать голову на отсечение, — Кэл начал горячиться, — это подлинник. Скопировать картину настолько безупречно просто физически невозможно. Загвоздка только в одном.

— В чем?

— «Кадриль в Мулен-Руж» находится в Вашингтоне в Национальной галерее.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось. Если дядюшка Джордж каким-то чудом ухитрился обокрасть Национальную галерею, мы оба были кончеными людьми.

— Вполне возможно, что картина Тулуза-Лотрека пропала из Национальной галереи, а ее дирекция хочет выждать день-два и не сообщает об этом, — подлил масла в огонь Кэл. — Надо немедленно позвонить в Вашингтон.

Мы поехали ко мне домой. В приемной меня встретила Дороти.

— В кабинете вас дожидается Шелдон Рейнольдс, — сухо сообщила она. — Полковник военно-воздушных сил.

— Я тогда позвоню отсюда, — извиняющимся тоном сказал Кэл.

— Полковник Рейнольдс ждет вас уже не меньше часа. Он производит впечатление весьма терпеливого человека. — Дороти ясно давала понять, что она не одобряет моих дел с людьми из мира искусства, еще более осуждает мое знакомство с ВВС и очень сердита на меня за то, что я, как всегда, нахожу нужным в самую последнюю минуту предупредить Элси еще об одном госте к обеду. Моя секретарша буквально кипела от негодования, но была слишком хорошо воспитана и слишком лояльна ко мне, как к хозяину, чтобы устраивать сцену в присутствии Кэла.

Я вошел в кабинет, и, конечно же, полковник Рейнольдс был там — а куда он еще мог деваться, раз вошел в него? — и всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение, сидя на самом краешке стула и раздраженно барабанил пальцами. Увидев меня, он прекратил свои музыкальные упражнения и встал.

— Мистер Пейдж, если не ошибаюсь?

— Извините, что заставил вас ждать. Чем могу быть полезен?

Мы пожали друг другу руки, и он опять уселся на стул, на сей раз достаточно плотно, а я с тревожным предчувствием примостился на краешке стола.

— До меня дошли сведения о том, что в вашем городе имели место несколько необычные... происшествия, — начал он, — причем с ними связана находка определенных предметов. Я говорил с прокурором, и тот указал на вас как на человека, к которому следует обратиться по данному вопросу. Кажется, существуют некоторые неясности относительно того, кому конкретно принадлежат указанные предметы?

— Если вы говорите о том, что имею в виду я, то никаких неясностей не существует, — возразил я. — Все предметы, о которых идет речь, являются собственностью моего клиента.

— Насколько мне известно, ваш клиент бежал из полиции.

— Исчез, — поправил я. — Причем первоначально он был взят под арест совершенно незаконным путем. Он не совершил никакого преступления, просто шел по улице.

— Мистер Пейдж, — полковник постарался придать голосу теплоту, которой в действительности ко мне не испытывал, — меня совершенно не касаются подробности этого дела. ВВС, которые я представляю, интересуют лишь определенные предметы, имевшиеся у вашего клиента.

— Вы видели эти предметы?

— Нет, — он отрицательно покачал головой. — Прокурор заявил, что в суде вы распнете его на кресте, если он разрешит мне осмотреть их. Однако, по его словам, вы разумный человек и при соответствующем подходе...

— Послушайте, полковник, — прервал его я, — в тех случаях, когда может возникнуть опасность для благосостояния моего клиента, я никогда не являюсь разумным человеком.

— Вы не знаете, где находится ваш клиент?

— Не имею ни малейшего представления.

— По-видимому, он рассказал вам, где достал эти вещицы?

— Мне кажется, он и сам толком не знает.

Я видел, что полковник не поверил ни единому моему слову, и не мог винить его в этом.

— Разве ваш клиент не сказал вам, что встретился с «летающим блюдцем»?

Я был настолько изумлен, что лишь отрицательно качнул головой. Вот это новость! У меня даже мысли об этом не было.

— Мистер Пейдж. — Голос полковника стал необыкновенно серьезен. — Я не стану скрывать: эти предметы очень важны для нас. Причем не только для ВВС, а для всей нации...

— Минуточку, — опять прервал я его. — Вы на самом деле пытаетесь уверить меня в том, что на свете существуют такие вещи, как «летающие блюдца»?

— Я вовсе не пытаюсь делать этого, — моментально настоужился полковник. — Я просто спрашиваю...

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Кэла.

— Извините, что прерываю вас, но мне нужно ехать, — сказал он.

— Нет, нет, ты не сделаешь этого, — запротестовал я. — Элси ждет тебя к обеду.

— Мне необходимо быть в Вашингтоне, — не сдавался Кэл. — Твоя секретарша обещает отвезти меня на аэродром.

— Ты дозвонился до Национальной галереи?

— Картина у них. — Кэл был явно озадачен. — Правда, ее могли подменить, но это слишком невероятно, особенно при их строгой охране... Я почти не рассчитываю, что ты позволишь...

— И абсолютно правильно делаешь. Картина в любом случае должна быть здесь.

— Но ее место в Вашингтоне!

— Только не в том случае, если их две! — не выдержал я.

— Это невозможно! — теперь мы оба перешли на крик.

— И все же, по-видимому, это так, — не сдавался я.

— Мне было бы немного спокойнее, Джон, если бы картина находилась в надежном месте.

— Полиция стережет ее.

— Сейф в банке представляется мне куда более надежным.

— Ладно, постараюсь что-нибудь сделать, — пообещал я. — Что тебе сказали в Национальной галерее обо всем этом деле?

— Да почти ничего. Они поражены. Кто-нибудь от них, возможно, придет сюда.

— Пускай. Пентагон уже здесь.

Мы пожалели руки, и Кэл поспешно вышел, а я опять при-
мостился на краю стола.

— Да, с вами нелегко иметь дело, — протянул полковник. — Чем вас пронять: может быть, патриотизмом?

— Боюсь, что я не слишком патриотичен. Предупреждаю, что и моему клиенту я дам указание не перебарщивать с патриотизмом.

— Деньги?

— Если их будет целая куча.

— Интересы общества?

— Сначала вам придется доказать, что это действительно в его интересах.

Мы в упор смотрели друг на друга, и этот полковник Рейнольдс абсолютно мне не нравился, как, впрочем, и я ему.

Завонил телефон. Это оказался Чет, который затараторил с бешеной скоростью, едва я взял трубку.

— Джордж объявился! — кричал он. — С ним еще один тип, и они приехали на какой-то штуковине вроде автомобиля, только без колес...

Я бросил трубку и устремился к двери. Краем глаза я видел, что полковник Рейнольдс тоже вскочил и мчится за мной.

Чет был прав. Эта штуковина действительно выглядела как спортивный автомобиль без колес. Она стояла перед полицейским участком, точнее — висела в двух футах от земли, и легкое гудение свидетельствовало о том, что внутри помещался какой-то механизм, работавший необычайно ровно. Вокруг собралась целая толпа, и я едва протолкался к машине.

Джордж сидел там, где должен был находиться водитель, а рядом торчало настоящее пугало с неописуемо унылой физиономией. Незнакомец был одет в черный, застегнутый спереди и стянутый у горла черный балахон. Голову плотно облегал черная шапочка, спускавшаяся на самые глаза. Лицо и кисти рук у этого чудовища были белые, как снег.

— Что с тобой произошло? — строго спросил я у Джорджа. — И вообще чего ради ты здесь сидишь?

— Понимаешь, Джон, — дядюшка Джордж держался так, как будто ничего не случилось, — я боялся, что Чет опять упрячет меня под замок. Если он шевельнет хоть пальцем, я моментально улечусь. Эта штука просто чудо. Она и по земле может катить, и летать, как самолет. Я, правда, еще толком в ней не разобрался, ведь вожу-то я ее всего ничего, но управлять ею одно удовольствие, и младенец бы смог.

— Скажите ему, — вмешался Чарли Невинз, — что пикто его не собираются арестовывать. Тут творится что-то необыч-

ное, но я вовсе не уверен, что это является нарушением закона.

Я с удивлением оглянулся. Проталкиваясь к машине, я и не заметил прокурора, а теперь он стоял рядом. В этот момент полковник Рейнольдс оттолкнул меня в сторону и протянул руку Джорджу.

— Я полковник Рейнольдс из военно-воздушных сил и хочу, чтобы вы рассказали мне обо всем подробно. Это очень важно.

— Так она просто стояла там вместе со всяким барахлом, ну я и взял ее. Видно, она никому не нужна, и ее просто выкинули. Там целая куча людей выбрасывала всякие штуки, которые им без надобности.

— Вот, вот, и алмазы тоже кто-то выбросил, — ехидно вставил Чет.

— Про них я ничего не знаю, — совершенно серьезно ответил Джордж. — Я про тот раз почти ничего не помню. Дождь шел, и куча разного добра лежала...

— Помолчи-ка, Джордж, — приказал я. Мне он ничего не говорил о какой-то куче добра. Или память у него улучшилась, или прошлый раз он просто врал мне.

— Мне кажется, — примирительно сказал Чарли, — что нам следует спокойно сесть и постараться разобраться в том, что происходит.

— Не возражаю, — ответил я. — Только учтите, что эта машина является собственностью моего клиента.

— По-моему, вы слишком много на себя берете, — возразил Чарли.

— Вы же видите, Чарли, что меня к этому вынуждают. Стоит мне хоть на секунду ослабить бдительность, и вы вместе с Четом и Пентагоном растопчете меня.

— Хорошо, оставим это, — сказал Чарли. — Джордж, опустите вашу машину на землю и пойдете с нами. Чет останется здесь и проследит, чтобы никто ее и пальцем не коснулся.

— При этом не забудьте, что картина и алмазы тоже должны находиться под постоянной охраной. Картина, возможно, стоит огромных денег.

— Самое подходящее время для ограбления банка, — с раздражением заявил Чет, — если я поставлю всех моих полицейских охранять добро вашего Джорджа.

— Мне кажется, что при нашей беседе должен присутствовать и спутник Джорджа, — не обращая внимания, продолжал Чарли. — Возможно, он сможет добавить кое-что весьма важное.

Спутник Джорджа, казалось, не слышал. Он вообще не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг. Он просто сидел в машине, словно аршин проглотив, и смотрел отсутствующим взглядом вперед.

Чет важно обошел вокруг машины, и в этот момент необычный пассажир заговорил каким-то странным, высоким и прон-

зительным голосом. Я не понял ни слова, но, хотя это и может показаться невероятным, совершенно точно знал смысл его речи.

— Не прикасайтесь ко мне! — потребовал незнакомец. — Уйдите прочь. Не мешайте.

После этого он открыл дверь и встал на землю. Чет отступил назад, остальные тоже. Наступило тягостное молчание, хотя за секунду до этого толпа гудела, как пчелиный рой. По мере того как пассажир шел по улице, люди расступались перед ним. Чарли и полковник тоже отступили назад, давая ему дорогу, и притиснули меня к машине. Незнакомец прошел всего в каких-нибудь десяти футах от меня, и я хорошо рассмотрел его лицо. На нем не было совершенно никакого выражения, а сердито-кислым оно явно было от природы. Именно таким, как я представляю, мог бы выглядеть средневековый инквизитор. При этом в незнакомце было еще что-то другое, что трудно выразить словами. Он как бы оставлял ощущение какого-то необычного запаха, хотя на самом деле от него ничем не пахло. Пожалуй, наиболее точным для передачи этого ощущения будет запах святости, если таковой вообще существует. От него словно бы исходило вибрирующее излучение, которое действовало на органы чувств таким же образом, каким ультразвук воздействует на собаку, хотя человеку он и не слышен.

Незнакомец миновал меня и направился дальше по улице сквозь расступающихся в стороны людей. Шаги были медленные, отрешенные, почти крадущиеся. Он шел так, как если бы вокруг никого не было, и, очевидно, не замечал никого из нас. Зато мы все не отрывали от него глаз, пока он не вышел из толпы и не повернул за угол. Даже после этого мы еще какое-то время стояли, не двигаясь, словно бы в растерянности, и только чей-то шепот вывел нас из транса. Толпа вновь загудела, хотя куда более приглушенно, чем раньше.

Чьи-то пальцы жестко схватили меня за руку. Оглянувшись, я обнаружил, что в меня вцепился Чарли. С другой стороны на меня уставился полковник. Его напряженное лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота.

— Джон, — тихо произнес Чарли, — нам нужно немедленно уединиться и все обсудить.

Я обернулся к машине и увидел, что она уже стоит на земле и из нее вылезает Джордж.

— Пошли, — позвал я.

Впереди шел Чарли, расталкивая людей, за ним полковник Рейнольдс, а мы с Джорджем замыкали шествие. Не произнеся ни слова, мы прошли по улице к площади и прямо через газон направились к зданию суда. Когда мы расположились в кабинете Чарли, тот запер дверь и достал из ящика письменного стола бутылку виски и четыре бумажных стаканчика, которые он наполнил почти до краев.

— Льда нет, — извинился он. — Впрочем, шут с ним, сейчас нужно как раз что-нибудь покрепче.

Мы молча разобрали стаканчики, уселись, кто где сумел, и молча залпом выпили неразбавленное виски.

— Вы что-нибудь поняли, полковник? — спросил Чарли.

— Было бы полезно побеседовать с пассажиром, — вместо ответа заметил Рейнольдс. — Надеюсь, этого человека постараются задержать.

— Не мешало бы, — согласился Чарли. — Хотя, убей меня бог, не представляю, каким образом можно его взять.

— Он захватил нас врасплох, — заявил полковник. — В следующий раз мы будем наготове. Заткнем уши ватой, чтобы не слышать его птичьей тарабарщины...

— Едва ли этого будет достаточно, — возразил Чарли. — Кто-нибудь в действительности слышал, как он говорил?

— Он на самом деле говорил, — вставил я. — Произносил слова, но все они были совершенно незнакомые. Какое-то непонятное щебетанье.

— И все же мы знали, что он говорил, — не сдавался Чарли. — Каждый из нас. Может быть, это была телепатия?

— Сомневаюсь, — скептически пожал плечами полковник Рейнольдс. — Телепатия вовсе не такая простая штука, как многие думают.

— Скорее новый язык, — предположил я, — созданный на научной основе. Звуки в нем подобраны так, чтобы вызывать определенные понятия. Если как следует покопаться в семантике, то...

Чарли прервал меня, не дослушав мое весьма интересное предположение относительно семантики, которое ему мало что говорило, ибо он ничего не смыслил в ней.

— Джордж, что вы о нем знаете?

Джордж почти лежал в кресле, вытянув ноги в носках чуть ли не на середину кабинета. Он зажал стаканчик в своей изрядно грязной лапе, почесывал грудь и благодушествовал. Развязать ему язык оказалось не так уж трудно.

— Я ничего не знаю. — Вот и все, что он смог сообщить.

— Но ведь вы же приехали с ним. Неужели он вам ничего не рассказал?

— За все время он не проронил ни звука. Я как раз отъезжал, когда он примчался и молча прыгнул рядом со мной, а потом...

— Откуда вы отъезжали?

— Ну оттуда, где лежала куча всякого барахла. Она, пожалуй, занимала несколько акров, да и ввысь было навалено порядочно. Вроде площади, как перед судом, только без газона, а просто мостовая, может, из бетона, а может, нет, но она тянулась во все стороны, и кругом, только довольно далеко, стояли огромные дома.

— Вы узнали, что это за место? — прервал выведенный из терпения Чарли.

— Так я ж его никогда прежде не видел, — возразил Джордж, — ни на картинках, ни так.

— Вот что, расскажите-ка нам все по порядку.

Джордж начал совершенно так же, как он описывал приключившееся с ним мне.

— Первый раз там лил такой дождь, что просто ужас. И было темно, вроде как бы вечер наступал, и я заметил только кучу всякой всячины. Никаких зданий я не видел.

Мне он, правда, ничего не сказал, что вообще что-то видел. Он утверждал, что ни с того ни с сего очутился прямо в Уиллоу-Гроув на улице, и к нему подъехала полицейская машина. Но я промолчал и продолжал слушать его рассказ.

— Потом, когда Чет посадил меня в каталажку...

— Минуточку, минуточку, — остановил его Чарли. — Мне кажется, вы кое-что пропустили. Где вы взяли алмазы, картопу и разные другие вещи?

— Да из той кучи, что лежала там. — Дядюшка Джордж ничуть не смутился. — Там было много всякой ерунды, и если бы у меня хватило времени, я бы выбрал что-нибудь получше. Но мне словно что-то шептало, что все вот-вот кончится, да еще дождь лупил, холодный, как осенью, а само место казалось каким-то призрачным. Ну я и взял что подвернулось, положил в карман. Потом смотрю — ведро с алмазами, только я не думал, что они настоящие. А затем еще картину прихватил, а то моя Мирта все скрпела, что ей, видите ли, нужна первоклассная картина для столовой...

— После этого вы пошли домой?

— Ага, только я оказался на улице. Иду себе, никого не трогаю, никаких законов не нарушаю...

— А что произошло второй раз?

— Это как я туда опять попал?

— Совершенно верно, — подтвердил Чарли.

— Первый раз это у меня получилось случайно. Сижу я в гостиной без ботинок, пью пиво, смотрю телевизор и вот в седьмом периоде, когда «Янки» уже провели двоих и Мэнтл как... Но что произошло дальше, я так и не знаю: «Янки» выиграли?

— Выиграли, выиграли, — успокоил его Чарли.

Джордж удовлетворенно кивнул.

— Второй раз я вроде бы повторил все это. Дело было даже не столько в том, что меня посадили в камеру, сколько в несправедливости, ведь я ничего такого не сделал. В общем, я уговорил Джона принести мне пива, устроился поудобнее и решил немного промочить горло. Телевизора, конечно, не было, но я его себе очень ясно представил. И игру, все как было. У «Янки» уже двое в «дому», Мэнтл выходит на удар — все это в уме, ясное дело, — и, видно, оно и сработало. Я враз очутился в том месте, где лежала куча всякого барахла, хотя это вовсе не было барахло на самом деле. Это все были хорошие вещи. Некоторые из них вообще не поймешь для чего. Так вот, они там лежали, и время от времени кто-нибудь подходил от тех высоченных домов, — и поверьте мне, до них было вовсе не два шага, они только казались близко потому, что доставали чуть ли не до самого неба, — таща что-нибудь в руках, бросал в общую кучу и шел назад.

— Насколько я понимаю, во время второго посещения этого места вы пробыли там значительно дольше, — вставил полковник.

— Дело было днем, да и дождь не лил как из ведра, — объяснил дядюшка Джордж. — Само это место уже не выглядело таким призрачным, хотя и казалось унылым, точнее пустынным. Людей не было видно, если не считать тех, кто приходил что-нибудь бросить в общую кучу, причем никто из них не обращал на меня никакого внимания, они вели себя так, словно меня вообще не было. Сказать вам честно, я не знал, удастся ли еще раз побывать там, а много в руках унести невозможно, поэтому я решил, что уж на этот раз не буду торопиться и сделаю все как следует. Осмотрю всю кучу и выберу то, что мне нужно. Вернее, там было много, чего мне хотелось, но я решил отобрать то, что на самом деле понравилось мне больше всего. Вот я и начал ходить вокруг кучи и брать разные вещи, которые приглянулись, а потом попало что-нибудь еще лучше и нужно было опять выбирать из уже отобранного. Иногда я клал новую вещь назад, а иногда оставлял и бросал что-нибудь из уже взятого. Ведь человек всего не унесет, а у меня и так уже набрались полны руки. По краям той груды лежало множество отличных вещей, хотя один раз я было попытался взобраться наверх за очень любопытной штуковиной, но там все было навалено кое-как, и когда я начал лезть за ней, вся куча зашевелилась, и я побоялся, что она просто свалится на меня. Я поскорее осторожно слез и потом волей-неволей брал только то, что лежало внизу.

Рассказ дядюшки Джорджа настолько заинтересовал полковника Рейнольдса, что он весь подался вперед, боясь пропустить хоть слово.

— Не могли бы вы описать, каковы были предметы в этой грудке?

— Ну, например, пара очков с какой-то нашлапкой на оправе. Я их приметил, и мне сразу стало так радостно, что я просто испугался. Я снял их и сразу перестал чувствовать себя счастливым. Еще раз надел и опять чуть ли не сомлел от счастья.

— Вы почувствовали себя счастливым? — переспросил Чарли. — Вы хотите сказать, что от очков вы опьянели?

— Да нет, я был счастлив вовек не так, как после доброй порции виски. Просто счастлив, и все. Все заботы и расстройств куда-то исчезли, мир вдруг показался очень хорошим, а жизнь — отличной штукой. Потом там была еще вещица, большой кусок стекла, квадратный, а может, и кубический. У предсказателей похожие бывают. Только у них маленькие, круглые. Так вот это стекло было такое красивое, смотрел бы в него и смотрел. Нет, нет, в нем ничего не отражалось, как, скажем, в зеркале, и все равно казалось, что где-то глубоко внутри в нем картина. Сначала мне только почудилось, что это дерево, а потом пригляделся — точно, дерево. Большой вяз, как тот, что рос во дворе у моего деда, с гнездом иволги на кривой ветке. У этого тоже было гнездо иволги, и сама

птичка рядом сидела. Смотрю еще: ба, да ведь это тот самый вяз, а за ним дом деда и загородка со сломанной жердью, и сам дед сидит на траве, курит свою трубку из кукурузного початка. Так это стекло показывало все, что вы захотите. Сперва в нем было только дерево. Я подумал про иволгу и про гнездо, и они тут как тут, деда вспомнил, и он сразу появился, хоть уже двадцать лет прошло, как его похоронили. Я немного посмотрел на деда, а потом заставил себя отвернуться. Очень я любил его, и тут, как увидел, сразу не по себе стало. К этому времени я уже разобрался, что это было за стекло, и для пробы подумал про пирог с тыквой. Ну он тоже сразу появился, корочка поджаристая и вся в пупырышках от масла. Про пиво еще вспомнил, и оно...

— Я не верю ни единому слову из всей этой сказки, — сказал Чарли.

— Продолжайте, — вмешался полковник. — Расскажите нам, что произошло дальше.

— Ну я обошел почти вокруг всей той кучи, насобирал всякой всячины да и обратно выкинул немало, и все равно у меня были полны руки, еле тащил. И карманы набил полнехоньки. Вдруг от домов мчитесь машина, летит над землей совсем низко, прямо ко мне...

— Вы имеете в виду ту самую машину, на которой приехали?..

— Та самая. А в ней какой-то грустный старикашка. Подъехал он к куче, опустил машину на землю, вылез и назад захромал. Тогда я подошел к ней, положил все свое добро на заднее сиденье и думаю: «Вот, черт возьми, здорово подвезло! Сколько еще добра можно взять!» Конечно, сначала я решил попробовать, сумею ли ею управлять, влез внутрь, туда, где старикашка сидел, и оказалось, что это проще пареной репы. Я ее приподнял над землей и двинулся потихоньку вдоль кучи, все вспомнить пытаюсь, где я разные штуковины побросал: хотел вернуться, собрать их и сложить на заднее сиденье. Слышу, кто-то бежит сзади. Обернулся — этот тип в черном, что со мной приехал. Подбежал к машине, положил руку на борт и плюхнулся рядом. И тут раз — и мы в Уиллоу-Гроув.

— Вы хотите сказать, — закричал, вскочив, полковник Рейнольдс, — что на заднем сиденье в машине лежат все те необычные предметы, о которых вы нам только что рассказывали?!

— Пожалуйста, сядьте, полковник, — вмешался Чарли. — Надеюсь, вы не верите всем этим сказкам, которыми он нас угощал. Совершенно очевидно, что то, о чем говорил Джордж, физически невозможно и...

— Чарли, — сказал я, — разреши мне напомнить еще о нескольких невозможных вещах. Таких, как картина, которая находится в Национальной галерее и одновременно у нас в Уиллоу-Гроув, машина без колес, ведро алмазов, штуковина, один конец которой раскален, а другой холодный, как лед.

— Боже, у меня голова идет кругом, — прошептал Чарли

в отчаянии. — И надо же, чтобы все это свалилось на мою шею.

— Послушай, Чарли, — заметил я, — по-моему, на твоей шее пока еще ничего нет. Все эти загадки не имеют ни малейшего отношения к нарушениям закона. Конечно, ты можешь сослаться на то, что Джордж взял автомобиль без разрешения владельца. Но ведь это же не автомобиль...

— Все равно это средство передвижения, — заупрямился Чарли.

— Но владелец выбросил его. Он бросил его и ушел, и...

— Мне бы прежде всего хотелось узнать, где находится это место и почему люди выбрасывали свое добро, — заявил полковник.

— И конечно, вы бы хотели прибрать его к рукам, — добавил я.

— Вы чертовски правы, — согласился он. — Я намерен это сделать. Вы хотя бы понимаете, что могут значить подобные предметы для нашей страны. Например, склонить чашу весов в нашу пользу, имея в виду потенциального противника, и я отноюсь не...

На лестнице, а затем в холле послышался топот. Дверь распахнулась, и помощник шерифа, чуть не грохнувшись, ворвался в комнату.

— Сэр, — с трудом переводя дыхание, обратился он к Чарли, — я не знаю, что делать. Какой-то сумасшедший тип проповедует около памятника Неизвестному солдату. Мне сказали, что шериф отправился, чтобы прогнать его в шею, поскольку у того нет разрешения выступать с проповедями в общественном месте, а потом шерифа видели бегущим в участок. Я вошел туда с заднего входа. Смотрю: шериф хватает винтовки и подсумки, а когда я спросил его, в чем дело, он не захотел разговаривать со мной, потащил целую охапку оружия на площадь и свалил все у памятника. Там собралась толпа, и все тоже тащат разное добро и бросают...

Я не стал дожидаться конца и бросился мимо помощника шерифа к двери.

Куча вещей у памятника выросла настолько, что уже сравнялась с его подножием. Там были навалены велосипеды, радиоприемники, пишущие машинки, электробритвы, швейные машины, пылесосы и много чего еще. Стояла даже пара автомобилей. Наступали сумерки, в город стекались окрестные фермеры и вместе с жителями со всех сторон шли через площадь, таща разное добро, чтобы прибавить его к быстро растущей куче у памятника.

Незнакомца, приехавшего с Джорджем, нигде не было видно. Он сделал свое черное дело и исчез. Стоя на площади и глядя на темные фигурки людей, которые, словно муравьи, спешили со всех сторон прямо к газонам к Неизвестному солдату, мрачно замершему в неровном свете трех слегка качающихся на легком ветерке уличных ламп, я представил

себе множество других городов по всей стране с огромными горами всевозможных выброшенных вещей.

Боже, подумал я, ведь никто из них не понял ни слова, ни единого звука из птичьего языка проповедника. Однако то, что он хотел им сказать, как и тогда, когда мы все отступили назад, давая ему дорогу, явилось для них неоспоримым приказом. Ясно, что я был абсолютно прав, когда предположил, что весь секрет кроется в семантике.

Конечно, у нас множество слов, гораздо больше, чем необходимо обыкновенному человеку, однако мы так к ним привыкли, привыкли к их непрерывным приливам и отливам, что многие из них — а возможно, что и большинство — утратили глубину и точность содержания. И ведь было время, когда великие ораторы могли овладевать вниманием множества людей с помощью простой поэзии своих речей, и такие люди иногда меняли и направляли все общественное мнение. Увы, теперь произносимые слова потеряли свою былую силу.

Вот смех всегда сохранит свое значение, подумал я. Простой веселый смех, даже если человек и не посвящен в его причину, может поднять настроение. Громкий и раскатистый, он означает дружелюбие; тихий и сдержанный, он свидетельствует о превосходстве интеллекта и даже способен в соответствующих условиях выбить почву из-под ног.

Все дело в звуках, подумал я, в звуках, которые вызывают главные эмоции и реакции человека. Не использовал ли чего-нибудь вроде этого таинственный пришелец? Не были ли это звуки, настолько хитро соединенные вместе, настолько глубоко проникающие в психику человека, что несли такое же большое содержание, как тщательно составленное предложение в нашей речи, но с одним решающим преимуществом — с такой силой убеждения, которая недоступна обычным словам. Ведь существовали же на заре истории человечества и предупреждающее ворчание, и вопль ярости, и крик, обозначающий пищу, и дружелюбие кудахтанье знакомства. Так не является ли странный язык незнакомца некой сложнейшей разновидностью этих примитивных звуков?

Старик Кон Эзербай тяжело протопал по газону и водрузил на самый верх кучи портативный телевизор. За ним подошла молодая женщина, которую я не узнал в лицо, и бросила рядом с телевизором сушилку для волос и тостер. Мое сердце обливалось кровью при виде этого, и я должен был бы подойти к ним и попытаться привести их в чувство, — по крайней мере, Кона, — постараться остановить, доказать, что они совершают величайшую глупость. Ведь тот же Кон по центам копил деньги, страдал без рюмочки, курил лишь три дешевые сигары в день вместо обычных шести, и все ради того, чтобы приобрести этот телевизор. Однако каким-то образом я знал, что останавливать их было бесполезно.

Я направился прямо по газону, чувствуя себя разбитым и

опустошенным. Навстречу мне, пошатываясь под тяжестью ноши, шла знакомая фигура.

— Дороти? — закричал я.

Дороти резко остановилась, и несколько книг, которые она тащила в охапке, шлепнулись на землю. Меня словно молнией озарило — ведь это же были мои книги по юриспруденции!

— Немедленно собери все и отнеси назад! — приказал я. — Что это тебе взбрело на ум?

Вопрос, конечно, был совершенно излишним. Кто-кто, а уж она-то обязательно ухитрилась оказаться на месте, чтобы послушать невесту откуда взявшегося проповедника, и, безусловно, первой уверовала в его бред собачий. Она чуяла всяких евангелистов за двадцать миль, и самыми волнующими моментами в жизни для нее были часы, проведенные на жестких

скамьях в удушливой атмосфере всяких молитвенных собраний и где заезжий пророк вещал о геенне огненной.

Я направился было к Дороти, но тут же забыл и о пей, и о моих книгах.

С противоположной стороны площади донесся захлебывающийся лай. Из темноты боковой улицы на свет выбежала нескладная фигура, которую преследовала свора собак. Незнакомец в черном, а это был именно он, подобрал полы своего балахона, чтобы они не путались в ногах, и явно показывал неплохое время в этом импровизированном состязании. Время от времени какой-нибудь из собак удавалось в прыжке отхватить кусок его развевающегося балахона.

Да, с людьми у него дело явно шло лучше, чем с собаками. Их как раз выпустили погулять с наступлением темноты, и, естественно, просидев целый день на цепи, они теперь пуждались в хорошей разминке. Видимо, собаки не понимали птичьего языка незнакомца, а может быть, сам он был на-

столько необычен для них, что они сразу же решили, что это чужой, с которым нечего церемониться.

Он промчался через газон вместе с преследующей его по пятам сворой и свернул в идущую от площади улицу, и только тогда я понял, куда бежал проповедник. Я что-то прокричал и ринулся вслед. Ведь он явно хотел добраться до машины, на которой прибыл дядюшка Джордж.

Я знал, что едва ли догопю незнакомца, и рассчитывал только на Чета. Наверняка он поставил одного-двух полицейских охранять ее, а пока проповедник будет их уговаривать, уйдет время и я успею перехватить его раньше, чем он умчится. Конечно, он может попытаться одурачить и меня своим щебетаньем, но я усиленно внушал себе, что должен сопротивляться всем его проповедям.

Так мы мчались по улице, впереди незнакомец, чуть сзади свора лающих собак, а за ними я, когда показалась стоящая у полицейского участка машина, которую все еще окружала порядочная толпа. Проповедник несколько раз каркнул — я затрудняюсь подобрать другое слово, — и люди поспешно стали расходиться в стороны. Он даже не замедлил своего бега — и тут следует отдать ему должное: он показал себя неплохим спортсменом, — а футах в десяти от машины просто сильно оттолкнулся, подпрыгнул и словно поплыл по воздуху, плюхнувшись прямо на место водителя. Возможно, все дело было в том, что собаки до смерти напугали его, а при определенных критических обстоятельствах человек способен буквально на чудеса, которые в обычно время кажутся невероятными. Впрочем, даже в этом случае проповедник продемонстрировал отличную атлетическую подготовку, никак не вязавшуюся с его внешностью огородного пугала.

Едва только он оказался на месте водителя, как машина мгновенно взмыла в воздух и в считанные секунды, легко порхнув над крышами, исчезла в темном небе. Двое полицейских, которых Чет выделил охранять машину, стояли, разинув рты и глядя на то место, где она только что находилась. Начавшие было расходиться по приказу незнакомца люди теперь остановились и тоже удивленно таращились на пустое место. Даже собаки, носившиеся по кругу, были обескуражены и периодически поднимали головы и жалобно подвывали.

Я стоял вместе со всеми, стараясь отдышаться после пробежки, когда сзади послышался топот шагов бегущего человека и кто-то схватил меня за руку. Это был полковник Шелдон Рейнольдс.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

Я с горечью и отнюдь не стесняясь в выражениях объяснил ему, что именно произошло.

— Он улетел в будущее, — заключил полковник. — Ни его, ни машины мы никогда больше не увидим.

— В будущее?

— Да. Скорее всего туда, — сказал полковник. — Иначе это никак не объяснишь. Сначала я думал, что Джордж установил контакт с «летающим блюдцем», но я ошибался. Незнако-

мед, должно быть, путешественник из будущего. Видимо, вы были правы в отношении его языка. Это новая семантика, своего рода стенографический язык, составленный из основополагающих звуковых комбинаций. Мне кажется, такой язык можно создать искусственно, но это потребует много времени. Вероятно, он возник или был позаимствован, когда их раса отправилась к звездам — знаете, своего рода универсальный язык, вроде языка знаков некоторых индейских племен...

— Но ведь тогда выходит, что и дядюшка Джордж путешествовал во времени! — запротестовал я. — Да у него не хватает ума и...

— Послушайте, — остановил меня полковник, — для того, чтобы путешествовать во времени, возможно, вообще ничего не нужно знать. Может быть, человек просто должен что-то почувствовать или быть в соответствующем настроении. Не исключено, что во всем мире найдется лишь один человек, способный испытывать подобные чувства...

— Но, полковник, это же абсурд. Допустим, хотя бы чисто теоретически, что Джордж действительно побывал в будущем. Но почему люди будущего выбрасывали свои вещи, почему там была эта самая куча?

— Откуда мне знать, — сказал полковник. — Точнее, я не могу ручаться, но у меня есть одна теория.

Он подождал, пока я не спрошу, в чем же она заключается, но так как я молчал, начал сам:

— У нас было много разговоров относительно контактов с другими цивилизациями, которые рассеяны в космосе, и даже проводились специальные прослушивания космоса в надежде поймать сигналы, посланные разумными существами. Пока их не удалось принять, и, возможно, что мы их вообще никогда не услышим, так как отрезок времени, в течение которого цивилизация является технологической, может оказаться очень коротким.

Я покачал головой:

— Не пойму, к чему вы ведете. Какое отношение то, что произошло в Уиллоу-Гроув, имеет к сигналам из космоса?

— Согласен, возможно, не такое уж большое, если не считать того, что, если контакт когда-либо и состоится, он должен иметь место с технологически развитой расой, подобной нашей. Существует немало социологов, которые утверждают, что технологическая фаза любого общества сама себя изживает или же создает такие условия, против которых восстают люди, или, наконец, приводит к тому, что интерес общества перемещается от технологии к другим вопросам, и...

— Минуточку, — прервал я. — Вы хотите сказать, что та куча разного добра, которую видел Джордж, — это результат того, что человеческая раса в далеком будущем отвергла технологическое общество, выбросив различные продукты техники? Но ведь так не может быть. Если даже это произойдет, то процесс отказа будет носить постепенный характер, постепенное отмирание техники и всех ее атрибутов. Люди просто не могут в один прекрасный день решить, что техника им больше не нужна, и начать выбрасывать всевозможные отличные и полезные вещи...

— И все же это возможно, — сумрачно произнес полковник. — Это могло быть в том случае, если отказ явился результатом религиозного движения. Незнакомец, видимо, как раз и был одним из их евангелистских проповедников. Посмотрите, что он натворил здесь за такое короткое время. Пишущие машинки, радиоприемники, телевизоры, пылесосы, сваленные в кучу у памятника, — это же все продукты технологии.

— А как быть с картиной и ведром алмазов? — возразил я. — Они-то не являются техническими изделиями.

Мы оба сразу же замолчали и уставились друг на друга в ступившейся темноте. Нам одновременно пришла мысль, насколько глупо было стоять и спорить просто ради спора.

— Не знаю, — пожал плечами полковник Рейнольдс. — Я только высказал предположение. Машина, конечно, пропала навсегда, как и все, что Джордж сложил на ее заднем сиденье. Но кое-что все же у нас осталось...

Один из двух полицейских, оставленных сторожить машину, в течение всего нашего разговора находился рядом и внимательно прислушивался к нему.

— Простите, что позволяю себе вмешаться, — запинаясь, сказал он. — От всего этого добра ничего не осталось. Оно все пропало.

— Все пропало! — в отчаянии закричал я. — И картина и алмазы?! Но ведь я же специально сказал Чету, чтобы он принял...

— Шериф тут ни при чем, — возразил полицейский. — Он поставил двоих из нас здесь, а двоих в здании сторожить вещи. А позднее, когда на площади началась вся эта петрушка, ему понадобились люди и он...

— ...Принес картину, алмазы и все остальное сюда и положил в машину! — с ужасом догадался я, зная Чета и его образ мышления.

— Он считал, что таким образом мы вдвоем сможем охранять все сразу, — оправдывающимся тоном заявил полицейский. — Мы бы прекрасно справились, если...

Я повернулся и пошел прочь. Я не желал больше ничего слышать. Попадись мне сейчас Чет, я бы задушил его. Я выбрался на тротуар и почувствовал, что за мной кто-то идет. Я обернулся — так и есть! — это опять был полковник. Он положительно не хотел оставить меня в покое. Я уже намеревался сказать ему пару достаточно резких слов, как вдруг меня осенило.

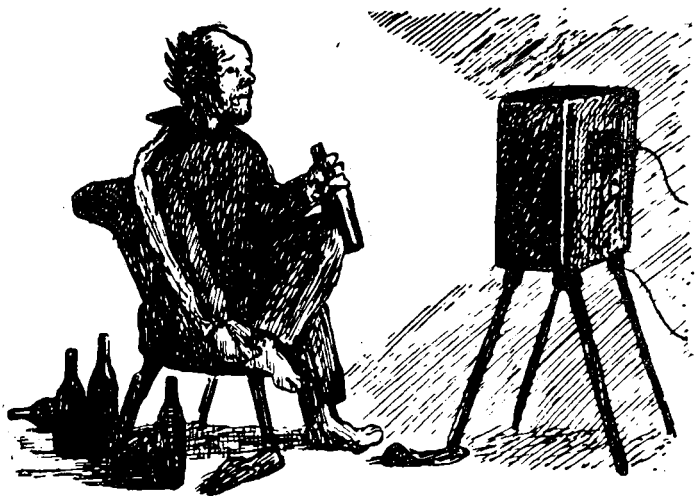
— Сегодня по телевизору будут передавать встречу «Янки с «Близнецами»?

Полковник молча кивнул.

— Тогда, ради бога, нужно скорее достать где-нибудь пива.

Мы сделали это в рекордно короткое время, причем каждый притащил по целой дюжине. Кто знает, что взбредет Джорджу в голову?

Сам он сидел перед телевизором и с бутылкой пива в руке следил за перипетиями игры.

Мы не промолвили ни слова. Просто поставили принесенные нами бутылки рядом с ним на пол, чтобы запас, не приведи боже, не кончился раньше времени, вышли в столовую и терпеливо принялись ожидать развития событий, тихо сидя в темноте.

В шестом периоде ситуация повторилась. «Янки» провели уже двоих, а Мэнтл вышел на удар. Но ничего не произошло. Джордж продолжал преспокойно потягивать пиво, чесать пятки и смотреть телевизор.

— Возможно, это случится в седьмом периоде, — сказал в утешение полковник.

— Возможно, — согласился я.

Мы упорно сидели в столовой, и наши надежды постепенно таяли. Ведь до конца сезона «Янки» всего еще лишь четыре раза встретятся с «Близнецами». А в следующем сезоне Мэнтл, как писали газеты, по всей вероятности, больше не выйдет на поле.

Перевел с английского С. БАРСОВ

**На 3-й стр. обложки — рисунок В. ВАКИДИНА к рас-
сказу Клиффорда Саймака «Ведро алмазов»**

